

Телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина полномочному представителю СССР в Чехословакии С. С. Александровскому с просьбой сообщить о времени запроса президента Чехословакии Э. Бенеша, адресованного Советскому правительству

Москва

30 сентября 1938 г.

Вашу первую сегодняшнюю телеграмму с вопросом Бенеша мы начали принимать в 17 час.¹, а вторую в 17.45².

Сообщите срочно, в котором часу Вам было передано Бенешем сообщение, изложенное в Вашей первой телеграмме, и когда Бенеш Вам сообщил о решении правительства принять мюнхенские условия³. Нас интересует, действительно ли между первым и вторым сообщениями Бенеша было принято решение правительства капитулировать и не могли Бенеш при обсуждении вопроса о мюнхенском предложении в правительстве сослаться на то, что он не получил от Советского правительства ответа на свой вопрос, изложенный в Вашей первой телеграмме.

В. Потемкин

Публикуется по сб.: «Новые документы из истории Мюнхена», с. 153.

¹ См. док. 386.

² См. док. 388.

³ См. док. 392.

Запись * о посещении депутатами Национального собрания Чехословакии президента Э. Бенеша

Прага

30 сентября 1938 г. **

Нам позвонили по телефону из канцелярии Совета министров, чтобы мы явились к президенту республики д-ру Эдуарду Бенешу (Йозеф Давид, монсиньор Сташек¹, депутат-коммунист Готвальд, депутаты от национально-социалистической партии Тыкал² и д-р Рихтер³, депутат от Национального объединения д-р Рашин⁴, депутат от национально-социалистической партии д-р Странский и депутат от Национального объединения д-р Клима⁵).

В зале, в который мы вошли, висели две карты Чехословацкой республики и стояло несколько столов, покрытых зеленым сукном. В этом помещении утром заседал Совет министров, на котором было решено принять условия мюнхенской конференции. Депутат д-р Рихтер при входе в зал, указывая на карты, заметил: «Здесь сегодня закончилась история существовавшей до сих пор Чехословацкой республики».

Президент д-р Бенеш вошел бледный с искаженными чертами лица и по его покрасневшим глазам было видно, что он ночью не спал. Молча, он подал каждому из нас руку и дал знак, чтобы мы сели.

Депутат д-р Странский сказал: «Господин президент, мы, представители разных партий, пришли сюда, чтобы информировать Вас о

* Автора записи установить не удалось.

** Дата встречи с Э. Бенешем.

том, как мы рассматриваем последние события. Извините, но мы не хотим верить, чтобы государство, имеющее такой дисциплинированный и самоотверженный народ, такую замечательную армию, сдалось добровольно. У нас есть укрепления. Существует опасение, что солдаты не послушаются. Все-таки нам нужно было бы защищаться. Возможно, это не было бы безрезультатным. И остальной мир не смог бы спокойно смотреть на это».

Д-р Бенеш взволнован, видно, что он очень нервничает, его речь несвязна. Он сказал:

«В истории нет примера, чтобы так поступили с каким-либо самостоятельным государством и народом. Вы не знаете, что я испытал за последние дни. Этого нельзя описать. Нас покинули и предали. Это трусливые люди, и самое отвратительное состоит в том, что нам сказали, будто мы можем провести мобилизацию, что до этого дело дойдет. Они боятся войны и считают, что Чехословакия может быть ее причиной. Это было трудное решение — принять условия и спасти народ или вступить в борьбу и дать себя истребить. История рассудит, что было правильным. Они принудили нас договориться с Польшей и отдать ей Тешинский район.

Состояние западных демократий безотрадное. На них нельзя положиться. Двадцать лет, собственно 24 года, я был связан с ними. А сегодня! У моей жены была знакомая француженка. Она бросилась перед ней на колени и просила, чтобы она не проклинала французский народ. С плачем пришел ко мне генерал Фоше, сказал, что стыдится быть французом. Это была комедия. Они заранее гарантировали Гитлеру, что он получит это. Из страха перед коммунизмом французы и англичане пойдут с немцами. Укрепления мы должны отдать неповрежденными.

Депутат Готвальд: «Господин президент, я не согласен с Вами. Босые и безоружные абиссинцы защищались, а мы покоряемся. Посмотрите только, как защищается испанский народ! У нас прекрасная армия, народ един. Ведь и остальной мир не смог бы оставить нас в одиночестве. Еще сейчас следовало бы показать нашу силу. Еще не поздно. Мюнхенские требования не следовало бы принимать».

Д-р Бенеш: «Я не верю, что Франция и Англия помогли бы нам. Они радуются тому, что избежали войны. Они предпочитают принести нас в жертву. И Эррио советовал нам принять эти условия».

Депутат Давид: «Господин президент, мы часто находились в ужасном положении за границей, но мы справились с этим. Президент-освободитель учит нас, что лучше смерть, чем рабство. Народ не понимает, почему мы без борьбы отдали часть своей территории. Разрешите, господин президент, а как обстоит дело с Тешинским районом? Он якобы добровольно отдан Польше? Это был бы новый удар. Если бы там был проведен плебисцит, то мы бы его выиграли».

Д-р Бенеш: «Мы остались в одиночестве и к тому же мы со всех сторон окружены. Не принять условий — означало бы истребить нацию. А народ должен жить и пережить нынешний момент. Французский генеральный штаб потребовал от меня, чтобы я решил польскую проблему. Я написал президенту Мосьцицкому⁶, что мы должны договориться. Сегодня мы получили ультиматум, согласно которому мы должны уступить Тешинский район».

Депутат Сташек: «Господин президент, каково будет внутривосточное развитие? Какую идею Вы теперь дадите народу?»

Д-р Бенеш: «Позже встанет вопрос о моей отставке. Я сознаю, что из развития обстановки я должен сделать выводы. Ведь во Франции даже наши друзья не пошли вместе с нами».

Д-р Рашин: «Извините, господин президент, но я не согласен с Вами. Ведь из этого Пражского града чешские короли управляли самостоятельным государством, зачастую определяя историю Европы. Но здесь, в этом Граде, никогда не отступали. Мы должны были защищаться. Мы сами отступили. Будущие поколения осудят нас за то, что мы без борьбы отдали свои земли. В чем должен народ видеть силу, во что он должен верить, если мы отобрали у него армию, которая без выстрела оставляет позиции? К этой чужеземной трусости мы присоединяем собственную трусость. Правда, другие предали нас, но мы предаем и сами себя».

Д-р Бенеш мгновение молчит, а затем говорит: «Я снова повторяю, это означало бы, по моему мнению, истребление нации. Мы не могли бы взять это на свою ответственность. Мы сделали ошибку. Мы построили государство с сильным национальным меньшинством. У нас были союзники, которым мы всегда были верны. Мы никогда не изменяли, но нас предали. Нам нанес поражение не Гитлер, а наши друзья. Мы провели мобилизацию, как я уже сказал, по желанию Англии и Франции. Мобилизация была для нас облегчением, я верил, что до этого дело дойдет. Коллега Готвальд говорил здесь об Абиссинии, но абиссинцы защищались от одного врага. Мюнхенское соглашение подписано четырьмя великими державами, две из которых являются нашими врагами. Им была неприятна даже наша мобилизация от 21 мая. Они считали ее подстрекательством к войне. Пока они избежали ее, но надолго ли?»

Депутат Готвальд: «Вы не можете меня убедить, господин президент. Мы должны были бы защищаться. Возможно, за границей спохватились бы и пришли нам на помощь».

Д-р Бенеш: «Я не верю Англии и Франции, так как они боятся войны и, главное, они боятся социальной революции. Французская бульварная пресса подкуплена, и она отвратительно ругает нас. Это крах западной демократии. Наши военные сказали, что мы можем защищаться в течение 4—6 недель. А затем ... Мне трудно было это пережить. Это вознаграждение за 24-летнюю службу и работу на благо друзей. Д-р Мастный поблагодарил в Мюнхене Даладье и Чемберлена за все, что они для нас сделали. Им было стыдно, и они тотчас же от него отошли. Будущее заключается в оздоровлении демократии. И устранении чрезмерной партийности, в стремлении любой ценой сохранить жизнь народа. Это должно быть идеей на будущее. Я, несмотря на то, что пережил и что переживаю, верю в идеалы демократии и гуманности. Однако во многом я разочаровался. Я ошибался. Я узнал, что большие государства и большие нации и в настоящее время не считаются с малыми государствами и малыми нациями. Они обращаются с ними так, как это им заблагорассудится. Мы должны сохранить свою национальную свободу и демократию, мы должны построить на собственной территории свою новую национальную жизнь. Разумеется, мы должны многое изменить, особенно во внешней политике».

Депутат Тыкал: «Если наш народ не будет защищаться, го произойдет моральное разложение. Народ никому и ничему не будет всрить. Нужно сделать все, чтобы избежать этого».

Д-р Бенеш: «Я понимаю, что нравственность ухудшится, что настанет всеобщее недоверие. Но и этот кризис должен народ пережить».

Депутат Сташек: «Господин президент, в минуту самого большого нашего и всего народа горя мы обещаем сохранить Вам верность. Вы не виноваты в том, что все так окончилось. Возможно, Ваша ошибка состояла в том, что Вы так верили. Но именно Вас справедливая история не осудит. Вы не должны подавать в отставку. Мы поддерживаем Вас».

Д-р Бенеш: «Благодарю Вас». После минуты молчания продолжает: «В прогнившей Европе малый народ трижды выступил против гитлеровского динамизма. 21 мая мы провели мобилизацию. Мы отвергли первые требования Гитлера. И в эти дни мы провели мобилизацию. Мы пять лет боремся с Гитлером. Три года мы, собственно, ведем борьбу одни. Европа капитулирует, и история должна констатировать, что Гитлер не победил нас, что нас отдали ему наши друзья и союзники. Мы будем проводить новую внешнюю политику, возможно, нейтральную, но это не должно означать, что мы будем проводить чисто германскую политику. Сейчас ведутся переговоры о новом правительстве, которое, по-видимому, в самое ближайшее время будет сформировано. Ведутся также переговоры со словаками».

Д-р Странский: «Извините, господин президент, если я скажу, что ошибка состояла в том, что наряду с официальным правительством заседал так называемый государственный совет¹, который собственно, решал все вопросы. Официальное правительство не знало о многих делах. Я считаю, что эти господа должны признать, что такие действия недопустимы. Они несут большую вину из-за своей нерешительности и затягивания переговоров с немцами и словаками».

Д-р Бенеш: «Я договорился с ними об ответах Германии и союзникам. Я знаю, что это противоречит конституции, за что я вместе с ними могу быть поставлен перед судом. Но некоторые вопросы должны были быть решены быстро. Я солидарен с ними в этих делах. Разумеется, правильно, что переговоры с немцами и словаками должны были быть уже давно закончены. Вы только учтите, что переговоры с генлейновцами начались еще в феврале и они были безрезультатными. Затем я за одну ночь разработал проект соглашения и на другой день уже вел с ними переговоры. И так же обстояло дело с глинковцами. Я пригласил д-ра Тисо и несколько других лиц на обед, и мы начали переговоры. Многие и многие дела я должен был проводить один. Как я уже сказал, в подходящий момент будет поставлен вопрос о моей отставке».

После этих слов депутат Сташек поблагодарил д-ра Бенеша за прием. Бенеш молча пожатием руки попрощался с нами. У двери мы еще раз остановились, и многие из нас со слезами на глазах посмотрели на висящую карту Чехословацкой республики².

AUML UV KSC, Praha, Mnichov — nezpracovaný materiál.

Копия. Перевод с чешского.

Опубликовано в сб.: Král V. Politické strany a Mnichov. Praha, 1961, s. 160—164.

¹ Сташек Б.— чехословацкий священник римско-католической церкви, главный редактор газеты «Лидове листы», с 1930 г.— один из лидеров Чехословацкой народной партии, в 1925—1939 гг. депутат Национального собрания.

- ² Тыкал И.— в 1929—1939 гг. депутат Национального собрания от Чехословацкой национально-социалистической партии.
- ³ Рихтер Ф.— в 1929—1939 гг. депутат Национального собрания от Чехословацкой национально-социалистической партии.
- ⁴ Рашин Л.— в 1935—1938 гг. депутат Национального собрания от Национального объединения.
- ⁵ Клина Л.— в 1935—1939 гг. депутат Национального собрания от Национального объединения.
- ⁶ Мосьцицкий И. (1867—1946) — польский реакционный политический деятель, ближайший соратник Ю. Пилсудского; в 1926—1939 гг. президент Польской республики.
- ⁷ Речь идет о так называемом коалиционном комитете в составе семи министров, которые решали все политические вопросы. Членами комитета были: М. Годжа, Р. Бенхине, Э. Франке, И. Шрадек, Я. Черны, Р. Млчох, Ф. Ежек. Председательствовал на заседаниях комитета М. Годжа, иногда Э. Бенеш как президент.
- ⁸ См. также док. 383, 393.

391

Телеграмма полномочного представителя СССР в Англии И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

Лондон

30 сентября 1938 г.

Сегодня, очевидно, во исполнение вчерашнего обещания Галифакса¹ меня пригласил Кадоган² и, сообщив основные пункты мюнхенского соглашения³ (которые, конечно, известны вам из газет), стал настойчиво спрашивать, что я о нем думаю. Я ответил, что о характере моей оценки соглашения Кадоган, вероятно, легко догадывается, и в свою очередь стал спрашивать его о некоторых деталях договора. Из ответов Кадогана, между прочим, выяснилось:

1. Чехи по мюнхенскому договору имеют право вывезти из сдаваемых районов оружие, амуницию, движимое имущество и т. д., что им запрещалось ультиматумом Гитлера, предъявленным Чемберлену 23 сентября⁴.

2. Международная комиссия имеет право устанавливать районы, где должен быть произведен плебисцит, не только в так называемой «зеленой зоне» на карте, приложенной к ультиматуму 23 сентября, но также в некоторой части «красной зоны».

3. Английский проект гарантии, как разъяснил мне вчера Галифакс, предусматривал в первую очередь гарантии Англии, Франции и СССР. В Мюнхене вопрос был решен иначе: предусматриваются гарантии Англии и Франции, а также (после «урегулирования» вопроса о венгерском и польском меньшинствах) Германии и Италии. Об СССР упоминания нет.

4. Вопрос о какой-либо экономической и финансовой компенсации для Чехословакии пока никем не ставился.

По окончании ответа на мой вопрос Кадоган вновь стал интересоваться моим мнением о достигнутом соглашении. Тогда я решительно раскритиковал соглашение, подчеркнув, что оно окончательно открывает дорогу для развязывания новой мировой войны. Кадоган пытался защищать соглашение, но не очень энергично и в конце концов согласился с тем, что результатом Мюнхена, по всей вероятности, будут новые и гораздо более серьезные европейские осложнения в ближайшем будущем. В заключение Кадоган просил меня без стеснения обращаться